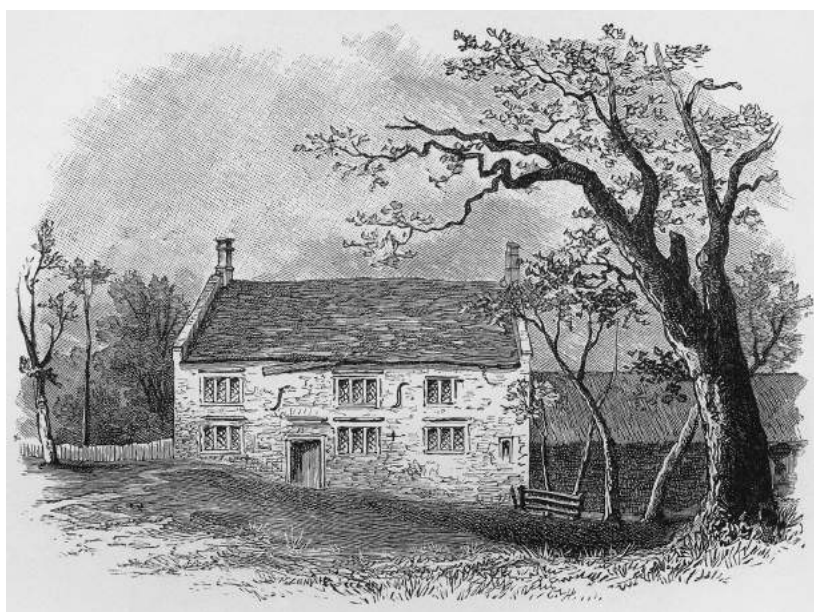

Содержание

<i>Глава 1. Благословенное дитя</i>	<i>7</i>
<i>Глава 2. Студент колледжа</i>	<i>23</i>
<i>Глава 3. Яблоко падает</i>	<i>35</i>
<i>Глава 4. Темное искусство</i>	<i>47</i>
<i>Глава 5. Профессор</i>	<i>55</i>
<i>Глава 6. Тайная вера</i>	<i>67</i>
<i>Глава 7. Вкус огня</i>	<i>81</i>
<i>Глава 8. Эврика!</i>	<i>93</i>
<i>Глава 9. Великий труд</i>	<i>105</i>
<i>Глава 10. На публике</i>	<i>113</i>
<i>Глава 11. Преклонение.</i>	<i>121</i>
<i>Глава 12. Равновесие утрачено</i>	<i>133</i>
<i>Глава 13. О чеканке монеты</i>	<i>143</i>
<i>Глава 14. В кругу дам.</i>	<i>151</i>
<i>Глава 15. Столп общества.</i>	<i>159</i>
<i>Глава 16. Битва волей</i>	<i>171</i>
<i>Глава 17. Дуэль умов</i>	<i>181</i>
<i>Глава 18. Угасание</i>	<i>189</i>
<i>Глава 19. Последние дни</i>	<i>197</i>
<i>Избранная библиография</i>	<i>205</i>
<i>Дополнительная литература.</i>	<i>207</i>

Глава первая

Благословенное дитя

© Legion-Media

Дом в Вулсторпе, где родился Исаак Ньютон

Исаак Ньютон, человек, который больше, чем кто бы то ни было, повлиял на формирование современного мировоззрения, появился на свет в 1642 году, в два часа ночи, на Рождество, в семье незнатного мелкого землевладельца-йомена, потомка таких же фермеров. Он родился недоношенным и болезненным младенцем. Двух женщин, помогавших по хозяйству, отправили за кое-какими вещами для ребенка, однако «по пути они уселись на приступку у изгороди и объявили, что спешить резона нет, поскольку дитя наверняка умрет еще до того, как они воротятся». Позже Ньютон рассказывал одному из своих родственников, что «когда он родился, то был настолько мал, что мог весь поместиться в квартовый горшок¹, и настолько слаб, что на шейку пришлось надеть особый толстый воротник, дабы головка не падала».

Однако имелись и добрые предзнаменования. Считалось, что ребенка, появившегося на свет в Рождество, ждет великий успех — ведь он получает благословение свыше: здесь очевидна ассоциация со Спасителем. Отец Исаака Ньютона умер до рождения сына, но и в этом можно усмотреть добрый знак: многие верили, что посмертное дитя — а Ньютон родился спустя четыре месяца после смерти отца — обретет удачу и благополучие. Уже во взрослые годы Ньютон считал себя уникамом, и обстоятельства его прихода в мир поддерживали в нем эту мысль. То, что он сумел выжить, уже было чудо, а еще — предвестие других чудес, которые он совершит в дальнейшем.

Родился он в деревне Вулсторп², в маленьком помещичьем доме, выстроенном из серого известняка, добытого здесь же, в окрестностях. На рисунке XVIII века перед нами предстает массивное, но довольно заурядное двухэтажное строение типично английского вида. Картинка являет нам также корову, лошадь и крестьянина с телегой — вот он, мир, в котором рос

¹ 1 британская кварта = 1,14 л. (Здесь и далее прим. пер.)

² Деревня располагается в графстве Линкольншир.

Ньютон. В доме была кухня, холл, гостиная и спальни (они располагались на верхнем этаже). Ньютон родился в спальне, расположенной неподалеку от лестницы, первая дверь налево. Наш современник, оказавшись в этом доме, отметил бы низкие потолки и каменный пол, да и вся атмосфера жилища показалась бы ему сумрачной, если не просто мрачной.

Дом стоит в небольшой долине, проложенной рекой Уитхем; фасад его обращен на запад. Из окон виден сад, который вошел в историю как место, где некогда упало знаменитое Ньютоново яблоко. Саму яблоню теперь уже давно свалил ветер. «Поместье» состояло из нескольких сот акров лесов и полей: вот родовое имение, которое позже унаследует Ньютон. Уильям Стакли, топограф XVIII века, антиквар и большой поклонник Ньютона, собравший все материалы о своем кумире, какие только смог отыскать, в восторженных тонах описывает этот пейзаж — с его «несравненными» долинами и «изобильными» лесами, добавляя, что здесь «неисчислимы ручьи и ручейки чистой воды» и воздух «чрезвычайно хорош». Эти-то места и породили «величайшего гения человечества».

Происхождение ближайших родственников Ньютона не давало ни малейшего намека на его грядущее величие. Ньютон мог проследить свою родословную лишь до Джона Ньютона, жившего столетием раньше в деревне Вестби, всего в нескольких милях от Вулсторпа. Ньютоны были из линкольнширских земледельцев и мучительно-неспешно поднимались вверх по социальной лестнице, достигнув к Ньютоновым временам статуса йоменов. Поэтому неразговорчивость и даже неприветливость взрослого Ньютона, возможно, коренятся в нравах и манерах линкольнширских фермеров.

Его отца, тоже Исаака Ньютона, мало волновало внимание потомков. Этот фермер-йомен присматривал за своим поместьем и по-собственнически заботился о жильцах, которые обитали в маленьких домиках, разбросанных по его земле. Уйдя

из жизни, он оставил жене и детям в наследство около пяти сотен фунтов стерлингов — это говорит о том, что при жизни он обеспечивал своему семейству вполне достойный уровень жизни. Впрочем, судя по всему, старший Ньютон, как и отец Уильяма Шекспира, не умел даже написать собственное имя, что лишний раз подтверждает миф о том, что гений рождается в самых неблагоприятных условиях. Дядя и кузен Ньютона также были неграмотны. И вполне вероятно, что в несколько иных обстоятельствах сам Исаак Ньютон так никогда бы и не научился ни читать, ни писать.

Семейство его матери Анны Эйскоу было несколько утонченнее в своих социальных притязаниях. Такова уж обычная «фамильная химия» у детей мужского пола, которым в дальнейшем удастся как-то отличиться. Брат Анны, протестантский священник, получил образование в Кембриджском университете. Однако он вряд ли мог особенно преуспеть в своей профессии, поскольку жил затворником в священническом домике всего в двух милях от Вулсторпа. Эйскоу, происходившие из графства Ратленд, являли собой пример захудалого рода, постепенно утрачивающего остатки аристократизма. Брак Исаака и Анны ознаменовал собой встречу клана Эйскоу с сельской породой на его пути вверх по сословной лестнице. Результатом брака стал Исаак Ньютон-младший.

Ребенка крестили в первый день нового, 1643 года в семейной церкви, располагавшейся неподалеку, в Колстерворте. Овдовевшая мать, как было принято в то время, дала младенцу имя умершего супруга — Исаак. Само имя происходит от древнееврейского слова «смеющийся», но у мальчика вряд ли были поводы для веселья. Всего через три года после его рождения мать решила снова выйти замуж и отдалась от своего первенца. Она обручилась с Барнабасом Смитом — священником одного из местных приходов, на тридцать с лишним лет ее старше. Преподобный Смит отнесся к пасынку не слишком

по-христиански: в брачный договор внесли условие, согласно которому юному Ньютону надлежало оставаться в Вулсторпе на попечении бабушки с материнской стороны, а Анне — уехать в дом священника, находившийся в Северном Уитхеме, примерно в полутора милях. Один из родственников позже вспоминал, что Смит предоставил Ньютону «кочок земли, ибо таково было одно из условий брака, на коих настаивала вдова». Смит также принял предложение отремонтировать и подновить помещичий дом в Вулсторпе. Похоже, это было вполне деловое соглашение, к тому же заключили его в эпоху, когда не очень-то считались с нежными чувствами детей.

Так что следующие восемь лет Ньютона воспитывала Марджери Эйскоу, его бабушка. Упоминаний о дедушке в этой связи не сохранилось, и приходится заключить, что тот особой роли в семейных договоренностях не играл. У Эйскоу был зажиточный и респектабельный дом, однако отсутствие матери неизбежно сказывалось на ребенке. Наверняка он испытывал вполне естественное в таких обстоятельствах чувство покинутости, а возможно, даже и собственной никчемности. Даже став взрослым, он остро ощущал свою незащищенность и чрезвычайно опасался эмоционального контакта с другими людьми; кроме того, он отличался подозрительностью и скрытностью, испытывая при этом сильнейшее желание упорядочить и обезопасить свою жизнь во всех ее областях. А еще был способен на бурные вспышки гнева и агрессии. Вероятно, все это — черты человека, которого некогда грубо обидели.

Но какова бы ни была правда о его психологии, нет никаких сомнений, что он рос одиноким ребенком. Его привезли на ферму, находящуюся в некотором отдалении от других деревень, и бабушка запрещала ему играть с детьми «простолоудинов», обитавших в близлежащих домиках. Иными словами, его попросту бросили, предоставив самому себе. В более поздние годы

он славился склонностью к уединению и самодостаточностью: эти качества он приобрел сызмальства. Многие отмечают, что у гениальных математиков нередко бывает одинокое детство и потому-то уже в ранние годы они легко погружаются в воображаемый мир чисел.

Сохранились лишь два рассказа Ньютона об этом его туманном периоде жизни. Так, он рассказывал, что его бабушка заявляла о родстве своей семьи с неким баронетом, — возможно, именно это позднее послужило почвой для Ньютоновых притязаний на дворянство. А в одной из своих записных книжек, также относящейся к более поздним годам, Ньютон признаётся в страшном грехе: он «угрожал отцу и матери, Смитам, спалить их, а равно и дом, где они проживают». Дата этой ужасной угрозы неизвестна, однако для вящей эффектности она, вероятно, была произнесена еще при жизни Барнабаса Смита. Вот какого накала достигали чувства этого мальчика, преданного и брошенного матерью. Важно и то, что сам он не забыл того приступа гнева.

А потом его мать вернулась, довольно-таки неожиданно. Барнабас Смит умер после восьми лет брака, и дважды овдовевшая Анна возвратилась в родовое гнездо, с тремя детьми на руках. Появление одного сводного брата и двух сводных сестер едва ли переполнило Ньютона радостью. В своем завещании Барнабас Смит ничего ему не отписал, но все же мальчику досталась пасторская библиотека в две сотни томов и большая «тетрадь для заметок», куда Ньютон занесет многие из своих первых научных размышлений, а также отчеты о первых экспериментах. Он называл ее «тетрадью для всякой чепухи».

Юный Исаак наслаждался обществом матери, от которого успел отвыкнуть, всего два года. В 1655 году, когда ему исполнилось двенадцать, его отправили в близлежащий городок Грантем учиться в школе латинской грамматики. Расстояние

составляло всего семь миль, но в масштабе интеллектуальной истории Исаака Ньютона оно неизмеримо больше. Его поселили у местного аптекаря мистера Кларка, чей дом и лавка располагались на главной улице города, рядом с постоянным двором «Джордж-инн». Тут было гораздо оживленнее, чем там, где ему доводилось жить до сих пор. Аптекарь был братом младшего учителя в школе, так что, возможно, частью учительского дохода как раз и служил вполне официально прием учеников «на постой». Возможно также, что своим рано пробудившимся интересом к химическим опытам Ньютон обязан как раз аптекарю Кларку. Так или иначе, но в свою тетрадь юный Ньютон начинает выписывать рецепты и состав лекарств из тех книг, которые вечно окружали Кларка. Постоялец спал в мансарде, вероятно делия комнату с кем-то из собственных детей Кларка; на стенах он вырезал свое имя, а также рисунки, изображавшие птиц и корабли, круги и треугольники.

Даже эти машинальные почеркушки имеют значение, когда речь идет о Ньюtone. Иногда он набрасывал портреты Джона Донна и Карла I. Нелегко догадаться, почему он решил запечатлеть поэта, но к казненному королю он, вероятно, испытывал определенное сочувствие. Не следует забывать, что его детство пришлось на годы гражданской войны и Протектората³, но, наверное, глупо рассуждать о политических симпатиях мальчика. Во времена реставрации монархии он поневоле был роялистом, однако в его религиозных взглядах ощущался сильный дух инакомыслия, даже пуританства.

³ Гражданская война в Англии (события этого периода называют также Английской буржуазной революцией) ознаменовала собой переход от абсолютной монархии к конституционной. Протекторат — введенный затем режим военной диктатуры (1653–1659). Вся власть передавалась Оливеру Кромвелю, получившему звание лорда-протектора.

Возможно, Ньютон успел выучиться основам чтения и письма в одной из дамских школ⁴, располагавшихся в близлежащих деревнях Скиллингтон и Стоук-Рочфорд, в общедоступной же школе Эдуарда VI в Грантеме он познакомился с классической словесностью. В частности, его обучали чтению и письму по-латыни, что являлось необходимым прологом к любому научному достижению и основополагающим умением для всякого ученого мужа. Не зная латыни, Ньютон не смог бы войти в европейский научный мир. Кроме того, там же он приобрел знание греческого; его наставляли и в Священном Писании. Поскольку книги, перешедшие к нему после смерти Барнабаса Смита, оказались по преимуществу теологическими, его библейские познания и до школы были обширны. Здравый смысл подсказывает нам, что мальчик наверняка поглощал все тома, какие попадались ему под руку. В школе его обучали чистописанию, правильному «секретарскому» — курсивному — почерку и, возможно, давали даже уроки элементарной математики.

Надо сказать, что при освоении стандартной учебной программы он далеко не всегда проявлял одаренность. В первый грантемский год он стал лишь семьдесят восьмым из восьмидесяти учеников, и один из его биографов позже отметит, что он «с большим пренебрежением относился» к занятиям. Впрочем, не исключено, что он, как и многие дети с начатками гениальности, считал эти уроки необязательными для себя. Те, кого занимает одна из сфер умственной деятельности, могут игнорировать все остальные как несущественные. Тем не менее он выделялся среди сверстников по другой причине — благодаря своей неистощимой изобретательности. Существует много историй о детстве и юности Ньютона, иные из них — апокри-

⁴ Дамские школы — одна из первых разновидностей частных начальных школ в Англии и англоязычных странах. Обычно в них преподавали женщины. Нередко эти учебные заведения располагались в доме самой учительницы.

фические, иные — по сути агиографические, а иные — попросту невероятные. Важно лишь отметить, что они начали возникать вокруг Ньютона сравнительно рано; его превозносили современники, а в XVIII и XIX столетиях его считали магом и мудрецом, которому практически нет равных. Так что понятно, отчего множились посвященные ему легенды и рассказы.

Один из историков Грантема, повествуя о жизни самого знаменитого обитателя городка, упоминает о Ньютоновых «странных изобретениях» и его «необычайной страсти к механике». Играм с другими мальчишками он предпочитал конструирование «всевозможных деревянных моделей и безделушек». Для этой цели у него имелись «миниатюрные пилы, топорики, молоточки, целая лавка самых разных инструментов». Так что он проводил время, не занятое уроками, «орудуя молотком у себя в комнате». Здесь явно проступает образ будущего искусного техника и механика, колдующего в собственной лаборатории.

Еще в детстве он соорудил деревянные часы, а также деревянную мельницу — основываясь на своих наблюдениях над большой мельницей, которую в это время строили в Грантеме. Он посадил в мельничное колесо мышь, чтобы та его крутила. Часы же приводились в движение водой и считались настолько надежными, что «нередко кто-нибудь из домашних приходил свериться по ним, который час». С самых ранних лет его занимала идея времени и всевозможных механизмов. Очевиднее всего это увлечение проступает в солнечных часах, которые он сделал, рассчитав движение Солнца и укрепив колышки на стенах и крыше аптекарского дома. Часы эти оказались такими точными, что «благодаря Исаакову циферблату всякий знал, который нынче час». Кроме того, он составил собственный астрономический календарь, где отмечал равноденствия и солнцестояния. Уже гораздо позже его знакомые подметили, что он частенько определяет время по длине теней. Помимо

всего прочего, в детстве он обнаружил связь между измерением времени и измерением пространства.

Тот же местный историк сообщает, что его увлечение всевозможными механическими вещицами часто мешало более рутинным занятиям и более скучные мальчики обгоняли его в итоговом формуляре. Однако способность к учению позволяла ему «обставить их всех, если бы он того пожелал». При этом он не всегда пренебрегал мальчишескими забавами. Так, сообщает, что он конструировал бумажных змеев, точно рассчитав нужные геометрические параметры, а кроме того, делал бумажные фонарики и привязывал их к хвостам змеев, что поражало и пугало местных жителей: им казалось, что в небе пролетают «кометы». Уже тогда он понял, какую власть над людьми можно получить, если умеешь их развлекать и зачаровывать.

А еще в нем обнаружилась ярко выраженная практическая и эмпирическая жилка, благодаря которой его вычисления и наблюдения оказались претворены в полезные устройства. Уильям Стакли, размышляя об этих детских изобретениях, говорит, что Ньютон с ранних лет проявлял «прозорливость в понимании причин и следствий», а также «ненарушимое постоянство и упорство в отыскании решений задачи и в их демонстрации». Вероятно, задним числом во взрослом Ньютоне увидеть этого любознательного и сообразительного ребенка нетрудно, однако нет никаких сомнений, что еще со школьной скамьи сэр Исаак был и умелым мастером, и отличным расчетчиком. Заметка Джона Кондуитта, позже ставшего родственником Ньютона, извещает нас, что у него были «руки плотника».

На оконном карнизе в грантемском классе он оставил памятник своим школьным годам. Перочинным ножиком он вырезал: «И. Ньютон». Позже он записал кое-какие происшествия тех лет. В самокопательски-подробном списке грехов, составленном в девятнадцатилетнем возрасте, он вспоминает, как «в воскресный день проткнул шапку Джона Киза булавкой, чтобы

пришпилить его», «похитил сладкие вишни у Эдуарда Стори», причем «отрицал, что я это проделал», а кроме того, «злился на мастера Кларка из-за хлеба с маслом». Даже непонятно, что здесь примечательнее — памятьливость на столь незначительные события или вера в то, что тогда он согрешил. Трудно переоценить и его совестливость, и его чувство греховности, вообще очень характерное для XVII века.

В день смерти Оливера Кромвеля в Грантеме дул сильнейший ветер. Мальчики играли в чехарду, и юный Ньютон, «хотя обыкновенно и не славился особым проворством в этом занятии, пронаблюдал за порывами бури и сумел столь удачно обратить их себе на пользу, что, ко всеобщему удивлению, обскакал всех прочих». Эпизод вспоминает сам Ньютон, с некоторым удовлетворением отмечая, что это был один из его самых первых экспериментов. Таким образом, он все лучше овладевал не только геометрией, но и аэродинамикой. Кроме того, он упоминает случай, когда его лягнул ногой в живот одноклассник, которого поместили «выше» в табеле успеваемости; по собственным воспоминаниям Ньютона, он тотчас же дал ему сдачи, за уши подтащил его к церкви и стал возить носом по древней стене. Вот вам раннее проявление его вспыльчивого характера, который он обычно предпочитал держать в узде.

В доме мистера Кларка, аптекаря, жила девочка, которая, по ее собственным уверениям, стала предметом страсти юного Ньютона. Сей факт плохо согласуется с отсутствием склонности к женскому полу, которое четко проявлялось у него в более поздние годы, однако, замечает современник, «поговаривают, что он воспылил к ней любовью, и она это также не отрицает». Сама же она (ее звали мисс Сторей) вспоминает, что он был «сдержанным, молчаливым, задумчивым парнем». Он не играл с мальчиками, но «частенько предпочитал оставаться дома, порой даже среди девочек, и нередко мастерил для нее и подружек маленькие столики, шкафчики и другие полезные

вещицы». Особенно явственно ей запомнилась построенная Ньютоном «тележка на четырех колесах... При помощи особых устройств он мог кататься в ней по дому, направляя ее куда пожелает».

Но увлечение механикой занимало не все его время. Вполне понятно, что молодой Ньютон по-настоящему стремился учиться. Во многих отношениях он был самоучкой и сам искал книги, способные утолить его вечную жажду знаний. У него имелись обычные школьные томики вроде Пиндара или Овидиевых «Метаморфоз», но были у него и тогдашние научно-популярные книги — например, «Математическая магия» Джона Уилкинса. В 1659 году, в шестнадцать лет, он на многих из них надписал: «...meum Isaac Newton»⁵. К тому времени он уже завел специальные тетради для выписок из книг. Туда же он заносил сведения из любых интересующих его областей, выстраивая алфавитные списки под заголовками «Искусства, ремесла и науки», «Птицы», «Одежды» и т. п. Кроме того, он испытывал желание — или потребность — как-то систематизировать и организовать свои разрозненные и отрывочные знания. В тех же тетрадях он записывал, казалось бы, случайные слова и фразы для перевода с английского на латынь: «Что есть танцы, как не валяние дурака», «паренек», «Какая от него польза? Для какого занятия он годится?», «Я с этим покончу. Остается только рыдать. Я не знаю, что делать». Не надо быть детским психологом, чтобы увидеть: эти несвязные фразы выскакивали из сознания мальчика, отличавшегося довольно-таки нестабильной психикой. Возможно, он чувствовал в себе некие силы, но в ту пору еще толком не понимал, какова их природа. Что ему предстоит делать в жизни?

А потом, как раз когда он начал достигать выдающихся успехов в учебе, мать отозвала его домой. Похоже, она счита-

⁵ Моя, Исаака Ньютона (лат.).

ла, что он достаточно посидел над книгами и теперь должен учиться управлять поместьем в Вулсторпе. Понятно, что ему рисовалось совсем иное будущее. Сохранились свидетельства его тогдашней неудовлетворенности и неприкаянности; список собственных грехов, который он тогда вел, весьма красноречив: «Отказался подойти к изгороди по велению матери», «Много дрался», «Капризничал, говоря с матерью», «Ударил сестру», «Сорвал злость на слугах». Он явно уже в детстве отличался скверным характером и даже иногда прибегал к насилию.

Его совершенно не интересовали свиньи, овцы, садоводство. Сохранились рассказы о том, что он испытывал к деревенским занятиям чувство отчужденности и даже отвращения: здесь проступает рационализм, который разовьется в нем позже. Когда мать просила его позаботиться об овцах или растениях, он подчинялся ей неохотно и не до конца. Спустя годы он сообщит Уильяму Стакли, что предпочитал «сидеть под деревом с книгой в руках или вырезать ножичком деревянные заготовки для своих моделей». Мысли его уносились далеко от сельских забот, и он позволял овцам и другому домашнему скоту разбредаться по окрестностям. В местном суде его штрафовали за то, что он «допустил проникновение своих свиней на поля» и «допустил, чтобы его овцы поломали вешки» на неогороженной земле. Бывало, мать просила кого-нибудь из слуг присмотреть за ним, но юный Ньютон просто перекладывал все свои обязанности на слугу и продолжал читать. К тому же он отличался чрезвычайной рассеянностью. Однажды он вел лошадь домой, и с нее соскользнула уздечка. Не заметив отсутствия животного, Исаак так и пришел домой с уздечкой в руке. Слуги в Вулсторпе придерживались невысокого мнения о молодом господине, «замечая, что парень придурковат и никогда не сгодится для дела». Из него не получился бы хороший фермер, а ведь, сложились обстоятельства лишь чуть-чуть иначе, как раз фермером ему и пришлось бы стать.

Но, к счастью, нашлись те, кто разглядел в нем способности и великую жажду знаний. Джон Стокс, директор школы, и Уильям Эйску, дядя Ньютона, пытались убедить его мать, Анну Смит (теперь она носила эту фамилию), «какая это будет потеря для мира, если похоронить столь выдающийся талант в сельских занятиях, да к тому же это будет и тщетное стремление». Есть и рассказ, наверняка апокрифический, о каком-то незнакомце, который, задав юному Ньютону несколько вопросов из области математики и распознав в нем скрытый талант, уговорил его мать разрешить мальчику продолжить образование. Такие чудесные вмешательства довольно часто встречаются в агиографических повествованиях о юности всякого рода знаменитостей.

Сам же Стокс обещал Анне, что по возвращении Ньютона в школу он «ежегодно станет выплачивать ей по сорок фунтов — сумму, каковую платят директору все ученики-иностранцы, вместе взятые» — материальное вознаграждение, призванное ускорить развитие умного мальчика. Сорок фунтов вполне ее убедили, и она отправила сына обратно в грантемскую школу, где тот получил возможность готовиться к поступлению в Кембриджский университет. Ньютон поселился в доме самого Стокса и все-таки завершил требуемый курс обучения. Возможно, к этому периоду относится покупка им греческого словаря и книги комментариев к Новому Завету — в качестве необходимых приготовлений к более серьезным штудиям, которые ждали его впереди.

Это новое погружение в школьную жизнь, по всей видимости, воспламенило в нем и сообразительность, и ученические амбиции. По словам Джона Кондуитта, позже ставшего мужем племянницы Ньютона, тот говорил ему, что его, Ньютона, «гений теперь начал разрастаться все больше и все быстрее, сияя все мощнее, и, как сам он мне поведал, особенно он преуспел в стихосложении». Вероятно, это были переводы из античных

авторов, поскольку английскую поэзию он всегда ставил не-высоко. По сути, он «превзошел самые радужные надежды, какие его директор на него возлагал». Его успехи были столь впечатляющи, что в день выпуска Стокс со слезами на глазах произнес целую речь, превознося своего любимого ученика и призывая остальных следовать его примеру.